

Линь-фэй, сидевшая перед туалетным столиком, до деформации сдвинула в пальцах изящный золотой футляр для ногтей. Услышав, как за дверью оглушительно заголосила Сяо Яньцзи, она с трудом разжала кулак и устало вздохнула:

— Дунсюэ, проводи принцессу в переднюю залу.

Служанка поклонилась и поспешно вышла.

Надев новые насадки и прислушиваясь к затихающим воплям девицы, Линь-фэй бесстрастно поднялась, опершись на руку Ламэй.

Войдя в переднюю залу, Линь-фэй застала привычную картину: Сяо Яньцзи уже развалилась на почетном месте и с отвратительным чавканьем поглощала кушанья. По обе стороны от неё сидели Юнци и Фу Эртай. Оба с умилением и глупыми улыбками наблюдали за этим прожорливым пиршеством. Линь-фэй созерцала это зрелище почти каждый день на протяжении последних двух недель.

"Не злись, только не злись, — мысленно заклинала она себя, пытаясь успокоить дыхание. — Ради дитя в твоём чреве, держи себя в руках".

Но сколько бы она ни повторяла это про себя, она сжала запястье Ламэй с такой силой, что служанка едва сдержала стон боли.

Первым её заметил Фу Эртай. Он торопливо поднялся:

— Матушка Линь-фэй!

Увидев у дверей улыбающуюся «небесную фею», Сяо Яньцзи небрежно вытерла рот широким рукавом, вскочила со стула и бросилась навстречу:

— Линь-фэй!

Дунсюэ, дежурившая у входа, мгновенно преградила девице дорогу. Линь-фэй же, сохранив на лице мягкую улыбку, проговорила:

— Сяо Яньцзи, милая, присядь. К чему эти церемонии, ведь мы же одна семья? Эртай, ты тоже садись.

Юнци поддержал её с улыбкой:

— Матушка Линь-фэй невероятно добра и великодушна, она никогда не станет мучить тебя

строгими правилами. Садись, кушай дальше!

Устроившись на самом дальнем конце стола, подальше от бесчинств Сяо Яньцзи, Линь-фэй старалась смотреть куда угодно, только не на тарелку гостии. По знаку Дунсюэ служанки принялись расставлять перед хозяйкой легкие закуски. Глядя на то, как Юнци и Фу Эртай наперебой ухаживают за Сяо Яньцзи, и вспоминая только что полученные донесения, Линь-фэй впервые всерьез засомневалась: не пригрела ли она на груди змею? Впрочем, заметив, каким красноречивым взглядом пятый принц ласкает эту дикарку, она сделала глоток нежного рисового отвара и мысленно отмахнулась от тревог. Пусть всё идет своим чередом. В конце концов, за девицу отвечает Юнци, вот пусть у него голова и болит.

Переезд в Кабинет Очищения Ароматов принес Сяо Яньцзи неподдельную радость. Для сироты с городских окраин даже самый скромный из убранных дворцовых покоев казался верхом немыслимой роскоши. Она пребывала в полном восторге: великолепные комнаты, тончайшие шелковые одеяла, изысканные яства... Она решила, что позволит себе насладиться этой сказкой еще немного. Буквально несколько дней. Всего лишь несколько дней, а там видно будет...

Цяньлун по-прежнему благоволил Линь-фэй. И пускай её активное участие в признании новоявленной «дочери» оставило в его душе неприятный осадок, во второй половине дня император всё же перевернул табличку с её именем для вечернего визита.

Шагнув за порог Дворца Продления Счастья, владыка поморщился — воздух был пропитан густым, горьковатым запахом снадобий. Однако стоило ему войти во внутренние покои, как он заметил, что слуги светятся неподдельной радостью. В приемной несколько лекарей из Императорской медицинской палаты вполголоса обсуждали рецепт. Увидев государя, они тут же пали ниц.

Император нетерпеливо взмахнул рукавом:

— Встаньте. Что с Линь-фэй?

Глава Императорской медицинской палаты сделал шаг вперед и с глубоким поклоном возвестил:

— Поздравляем Ваше Величество! Госпожа Линь-фэй носит под сердцем дитя!

У Цяньлуна было немного наследников, а тех, кто благополучно перешагнул порог младенчества, и вовсе единицы. Весть о скором прибавлении несказанно обрадовала его, и он не поскупился на щедрые награды.

Пройдя в опочивальню, он застал Линь-фэй в окружении служанок, которые помогали ей облачиться в домашнее платье. Император мягко остановил её попытку склониться в поклоне и самолично уложил супругу обратно в постель.

Наложница робко и счастливо улыбалась. Одной рукой она нежно придерживала свой еще плоский живот, а другой — едва ощутимо потянула Цяньлуна за край шелкового рукава. Она выглядела такой хрупкой и нежной, что сердце государя дрогнуло еще до того, как она заговорила. После долгих минут тихой, полной неги беседы, Линь-фэй, выказывая образцовую покорность, принялась кротко уговаривать супруга уделить внимание и другим обитательницам гарема. Цяньлун долго упрямиться не стал. Одарив будущую мать драгоценными подношениями, он покинул Дворец Продления Счастья.

Мысли о благодетельной наложнице неизбежно повлекли за собой думы о Юнци, которого та постоянно хвалила, а следом в памяти всплыл и буйный образ Сяо Яньцзи. Цяньлун тяжело вздохнул. Дети — это вечный долг, который родителям никогда не выплатить.

Ударив ладонью по подлокотнику паланкина, он скомандовал:

— К Кабинету Очищения Ароматов!

Исполненный родительской нежности император прибыл к Кабинету Очищения Ароматов, однако увиденное там мгновенно заставило его перестать улыбаться. Застав весь штат прислуги лениво развалившимся прямо на полу, владыка пришел в ярость. Посыпались суровые удары палками. Спасая собственную шкуру, Сяо Яньцзи истошно и бессвязно завопила, призывая покойную мать. При звуках этого голоса в душе государя всколыхнулись смутные воспоминания о давно позабытой женщине из Цзинани. Вздохнув, он велел прекратить экзекуцию и сухо приказал: отправить вестника к Императрице Нале, дабы та выделила строгую наставницу для обучения принцессы Хуаньчжу дворцовому этикету.

Эту ночь Цяньлун провел в покоях супруги Шу, а наутро милостиво отправил в Кабинет Очищения Ароматов целебные мази.

Во Дворце Икунь Императрица Нала выслушала указ с тихим вздохом легкого недоумения. Немного поразмыслив, она решила отправить в Кабинет Очищения Ароматов опытную наставницу, временно освободившуюся во Дворце Милосердия и Покоя. Разумеется, почтенная матушка Лю еще до своего визита успела побеседовать с матушкой Жун и была прекрасно осведомлена о повадках новоявленной принцессы.

Два дня спустя пятый принц Юнци предстал перед отцом и, захлебываясь слезами обиды, разразился долгой, полной драматизма речью, сокрушаясь о жестоком обращении с его «сестрой». Цяньлун, в чьей голове уже крепились вполне определенные подозрения, холодно посмотрел на своего так и не повзрослевшего сына. Едва заметно усмехнувшись, император лишь обронил:

— Старшая наставница Дворца Милосердия и Покоя, матушка Лю, проявила похвальное рвение. Наградить её щедрым даром за усердие.

Больше государь ни единым словом не обмолвился о Кабинете Очищения Ароматов, что несказанно обрадовало тамошних обитателей, решивших, будто гроза миновала.

Подобная череда милостей и опал окончательно запутала обитателей Запретного города. Никто не мог понять истинных намерений монарха: стала ли принцесса Хуаньчжу его новой любимицей, чьи капризы готовы терпеть, или же её ждала незавидная участь?

Женщины, сумевшие пробиться к вершинам гаремной иерархии и удержать свои титулы, отличались редкой осторожностью. В конце концов, впереди стояла Императрица, а за ней, подобно незыблемой скале, высилась фигура Старого Будды — Вдовствующей императрицы Ньюхуру. Зачем мелким сошкам лезть на рожон? Гораздо разумнее затаиться и наблюдать со стороны. Весть о беременности Линь-фэй, конечно, вызвала у многих укол ревности, однако глупых шагов никто предпринимать не спешил — слишком велик был риск остаться у разбитого корыта. До родов оставалось еще много месяцев, так к чему спешить?

Однако стоило слухам о криках Сяо Яньцзи во время экзекуции разлететься по дворцовым переходам, как напускное равнодушие обительниц гарема испарилось без следа. Сдерживаемый доселе гнев вспыхнул с новой силой.

Благородная супруга Чунь с тихой грустью смотрела на свою дочь, четвертую принцессу Хэцзя. Девочка росла благонравной и послушной, но, увы, почти не знала отцовской ласки.

"Возможно, государю просто вскружила голову новизна ощущений".

Едва заметно вздохнув, она несколькими теплыми словами успокоила дочь и отправила её обратно в Западные покои, а сама погрузилась в безрадостные размышления. На Юньчжана надежды мало, теперь все силы нужно направить на то, чтобы устроить судьбу Юньжуна.

Четвертая принцесса Хэцзя чинно откланялась и медленным, размеренным шагом направилась к выходу. Стоило ей скрыться с глаз матери, как она яростно сжала шелковый платок.

"Принцесса Хуаньчжу!..."

Появление принцессы Хуаньчжу окончательно разрушило хрупкую видимость мира в императорском гареме. Бездетные наложницы втайне проклинали собственное бесплодие, а те, у кого были сыновья и дочери, злились на их нерасторопность. И хотя все они презирали легкомысленную Ся Юйхэ, в глубине души каждая завидовала покойной китаянке. Ей удалось невероятное — руками дочери вписать свое имя в память императора. Каждая женщина во дворце проводила жизнь в бесконечном ожидании монаршей милости. Сколько юных красавиц увядало здесь, так и не дождавшись единственного взгляда государя? Цяньлун бегло осматривал сотни наложниц, ни на ком не задерживаясь надолго, и они уходили в небытие, всеми позабытые. И тут какая-то безродная девица, согрешившая до брака, заставила Сына Неба помнить о себе долгие годы лишь потому, что родила ему дитя! Это переходило все границы дозволенного.

Среди императорских отпрысков тоже зрел глухой ропот. Раньше, когда государь выделял принцессу Хэцзин и пятого принца Юнци, никто не смел перечить. Первая была дочерью покойной императрицы Сяосянь — единственной уцелевшей ниточкой, связывавшей государя с

его первой супругой. Второго же покойная государыня воспитывала лично, его обожала Вдовствующая императрица, да и с могущественной ныне Линь-фэй он ладил. Но теперь какая-то безродная бастардочка посмела встать в один ряд с ними, рожденными в законном браке?! Слушая рассказы о небывалых щедротах, коих сами они никогда не удостоивались, принцы и принцессы лишь мрачно смотрели: нелегка ты, доля императорского дитя!

Запретный город сплотился перед лицом общего врага с редким единодушием. Кто-то подбрасывал хворост в огонь сплетен, кто-то раздувал угли, а кто-то направлял пламя в нужное русло. Кому в итоге суждено было сгореть в этом пожаре, а кто выйдет сухим из воды — теперь зависело лишь от личного коварства и связей.

Сяо Яньцзи действительно ни в чем не знала отказа, упиваясь роскошной жизнью. Вот только никто не предупредил глупую девицу, что некоторые изысканные яства, поданные к её столу, при совместном употреблении превращались в медленный, незаметный яд, способный подорвать здоровье в будущем. Закаленная уличным детством, девица пока не замечала недомогания и весело резвилась во дворе, пока в тени галерей десятки знатных дам в бессильной злобе терзали шелковые платки, шепча сквозь зубы:

— Прыгай, прыгай... Посмотрим, на сколько тебя еще хватит.

Дворец Икунь держался в стороне от этих подковерных интриг, предпочитая роль стороннего наблюдателя. Впрочем, Императрица Нала не отказывала себе в удовольствии выслушивать донесения верных соглядатаев, находя в этом приятное развлечение. Порой её названные «сыновья», Иньжэн и Хунши, еще только пытались распутать клубок очередной дворцовой тайны, тогда как Императрице хватало мгновения, чтобы безошибочно указать на скрытые пружины интриги. Растущее почтение в глазах юношей льстило её самолюбию. Подумав, что принцессе Ланьсинь тоже пора привыкать к суровым реалиям взрослой жизни, Нала стала приглашать и её на эти тайные беседы.

От изощренности некоторых уловок даже у выдавших виды Иньжэна и Хунши порой пробежал мороз по коже. Что уж говорить о Ланьсинь — самом чистом цветке в этом паноптикуме. Первые дни девочка то и дело испуганно ахала, слушая рассказы матери, однако дворцовая жизнь учит быстро. Вскоре она уже спокойно вышивала под эти жуткие отчеты, и лишь изредка её игла замирала на полпути, выдавая минутное замешательство.

После нескольких дней подобных уроков Иньжэн и Хунши могли лишь пораженно качать головами. В подлome искусства гаремной борьбы действительно не существовало невозможного — человеческая фантазия, направленная на зло, не знала границ.

"Какое счастье, — думали они, — что обитатели Дворца Икунь ведут себя тише воды, ниже травы, иначе этот ядовитый рой давно бы переключился на нас".

Для слуг Дворца Икунь наступили горячие деньки. Пожилые наставницы — матушка Ли и матушка Жун — удвоили бдительность, зная, чем грозит малейшая оплошность. Одно дело — посмеиваться над чужими несчастьями, и совсем другое — допустить, чтобы заговор или яд

проникли в их собственные покои.

<http://bllate.org/book/18338/1823125>